

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА 1870-х гг.: ПОВЕСТЬ «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»

Рассматриваются особенности восприятия И.С. Тургеневым исторической фигуры царя Ивана Грозного и специфика её художественного воплощения в повести 1870 г. «Степной Король Лир». Выявляется своеобразие моделирования личности главного героя повести – Мартына Харлова – как национального типа через его включение в «текст» позднего русского Средневековья. Значимость создания масштабного трагического образа на материале обыкновенного определяется как следование законам шекспировской образности.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Степной Король Лир»; Иван Грозный; Шекспир; русское Средневековье; М.М. Антокольский.

Творчество И.С. Тургенева второй половины 1860-х – начала 1870-х гг. выпало на время глубокого пореформенного кризиса, связанного с крушением надежд на разрешение крестьянского вопроса, разочарованием в признанных общественных идеалах и неясностью дальнейшего пути развития России [1–4]. Об этом ярко свидетельствуют содержание вышедшего в 1867 г. романа «Дым» и письма указанного периода. В творчестве писателя происходит важная «эволюция изображения человека» [4. С. 5].

В ситуации отсутствия «героя времени» Тургенев обращается к поиску позитивных сил в самом национальном типе русского человека. Представленный ранее в малых прозаических формах, теперь в жанре повести он занимает у него первое место и обретает черты глубокого драматизма, выражающего суть современной русской жизни. Чрезвычайно показательным произведением, во всей полноте раскрывающим особенности нравственно-философских исканий писателя, оказывается повесть «Степной Король Лир» (1870).

В последнее время были сделаны значимые попытки выявить психологическую сущность образа главного героя повести с позиции национальной типологии [5], через категорию культурной памяти [6], мортальный мотив [7] и др. Однако рассмотрение специфики исторического моделирования личности (т.е. соотносённость с периодом эпохального прошлого) оказывается редуцировано, а трагическая составляющая образа героя рассматривается очень односторонне. В то время как эти две категории являются ключевыми. Теория типизации, которая оформляется у Тургенева в пореформенное десятилетие, тесно взаимосвязана со значением и содержанием шекспировских традиций в его творчестве 1870-х гг.

В письме к И.В. Авдееву от 13 (25) января 1870 г., отвечая на критику по поводу «несовременных» образов «Странной истории», Тургенев выразил своё понимание целей искусства: «...неужели каждый характер должен непременно быть чем-то вроде прописи: вот, мол, как надо или не надо поступать? Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю: а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни – в глазах искусства и истории – лежит в осознании всей нашей деятельности» [8. Т. 10. С. 132]. Немного ниже он замечает, что его «исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая её передача» [Там же]. Источник эстетической установки на правдивую передачу «физиономии

жизни» он находит именно в Шекспире, о чём прямо скажет позже, подводя итог своим «романным» исканиям: «...я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет “the body and pressure of time” [самый образ и давление времени]...» [9. Т. 9. С. 390].

Принцип выявления общечеловеческого содержания («бессмертия жизни») в обыкновенном человеке тесно и непосредственно сопряжён с шекспировской объективностью и правдивостью. В письме к Полине Виардо от 2 июля (20 июня) 1868 г. писатель утверждает искренность и красоту правдивого искусства: «...можно, например, вызвать *сострадание* (здесь и далее в цитатах курсив Тургенева. – И.В.), описывая или изображая (Лаокоон) страдание; но можно достичь той же цели *на самом деле* испуская скорбные стоны...» [8. Т. 9. С. 243].

При характеристике художественной манеры в «Степном Короле Лире» Тургенев отклоняет кажущуюся связь с Рубенсом. В письме к Людвигу Пичу от 14 (16) апреля 1870 г. он пишет: «Я закончил повесть, которая производит на меня впечатление большого зада – но не в рубенсовском стиле с розовыми щёчками, нет, совсем обыкновенного жирного и белого русского зада» [8. Т. 10. С. 325]. Это рассуждение интересно тем, что Тургенев указывает на эстетическую особенность объекта изображения в «Степном Короле Лире», роднящую его со смелой манерой Шекспира, о которой он писал Л.Н. Толстому 3 (15) января 1857 г.: «Он – как Природа; иногда ведь какую она имеет мерзкую физиономию (вспомните хоть какой-нибудь наш степной октябрьский, слезливый, слизистый день) – но даже и тогда в ней есть необходимость, правда, и <...> целесообразность» [8. Т. 3. С. 181].

Положение писателя, живущего вне России, оторванность от реальной современности («...с каждым днём убеждаюсь, что, оторвавшись от почвы, нельзя долго писать») [8. Т. 10. С. 56] диктуют необходимость искать проявление драматизма жизни не в столкновениях героев-идеологов с обществом, а в коренных русских национальных типах, особенностью которых были глубокая психологическая противоречивость, драма самой личности. В письме об умершем В.П. Боткине Тургенев 22 октября (3 ноября) 1869 г. пишет: «Человек был замечательный: несмотря на многие недостатки – русский тип» [8. Т. 10.

С. 71]. При всём трагическом развороте событий Тургенев упорно искал позитивного начала в самом «русском типе». Подобным образом написан некролог на смерть А.К. Толстого, где писатель отстаивает его «глубоко гуманную натуру» [9. Т. 11. С. 185].

«Философские рассуждения» Тургенева о «русском типе» строятся в диапазоне колебания понятий «жизнь» – «смерть»¹ и распространяются на огромное поле русской жизни. Это выражено в письме к П.В. Анненкову от 15 (27) июня 1870 г. в момент завершения работы над «Степным Королём Лиром»: «...погружаюсь с головой в волны давно мною уже покинутой русской жизни. Ничего: иные грязны, а всё-таки я доволен» [8. Т. 10. С. 204]. Ощущение огромных сил и скрытого драматизма требовало шекспировского масштаба обобщения – через историю, через хронику «королей» освоить современность и раскрыть её трагическое содержание.

Повесть «Степной Король Лир» представляет собой опыт осмысления человеческой природы в категориях шекспировской образности через обращение к эпическому плану русской истории. «В глубине русской жизни», в «чертах русского национального характера» [10. С. 201] писатель открывает новый тип личности – обыкновенный (провинциальный) человек, положение которого отмечено истинным драматизмом; в пределах простого и обычного раскрывается трагедия существования.

Образ степного Лира включён в значимый для его интерпретации «текст» позднего русского Средневековья и прямо соотносится с центральной фигурой этого периода – царём Иваном Грозным. Интерес писателя к личности первого русского царя был вызван, во-первых, её грандиозным историческим характером, а во-вторых, крайней противоречивостью содержания. Поэтому проблема её художественного воплощения очень остро стояла перед Тургеневым.

Первоначальное знакомство писателя с эпохой Ивана Грозного произошло, вероятно, в годы юности, во время обучения в пансионе, благодаря чтению «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В 1846 г. в критическом разборе драмы С.А. Гedeонова «Смерть Ляпунова» Тургенев говорит, что Карамзин представил царя как «лицо фантастическое» [9. Т. 1. С. 239]. Сравнивая карамзинский рисунок Ивана IV с ранними драматическими представлениями Ляпунова, писатель ищет и не находит в них «голос истины, еще более трогательной и потрясающей в прошедшем, чем в настоящем...» [Там же]. В разговоре о «двойственной, страстной природе» [Там же] Грозного и Ляпунова Тургенев приводит имя Шекспира, который «любил изображать такие лица» [Там же].

Определение «фантастическое», которое применяет Тургенев к описанию Карамзина, связано, прежде всего, с требованием полноты и достоверности, простоты и ясности в изображении исторического образа. Такая точка зрения на созданный Карамзиным образ русского царя перекликается с тем взглядом, который был изложен В.Г. Белинским в 1836 г. Рецензируя третью часть «Русской истории для первоначального чтения» Н.А. Полевого, критик писал: «Карамзин представил его (т.е. Ивана Грозного. – *И.В.*) каким-то двойником, в одной половине которого мы видим ка-

кого-то ангела, святого и безгрешного, а в другой – чудовище, изрыгнутое природою, в минуту раздора с самой собою, для пагубы и мучения бедного человечества, и эти две половины сшиты у него, как говорится, белыми нитками» [11. С. 108].

Однако Тургенев не мог не признать достоинств диалектического подхода историка, его стремления не сводить всё к одноплановому (положительному или отрицательному) изображению и быть как можно более объективным. Недаром в 1868 г. писатель советует А.Д. Вшивцову в качестве самообразования именно чтение «Истории государства Российского» («исторические книги – Карамзина напр. – были бы Вам полезнее») [8. Т. 9. С. 108]. А в 1874 г. в письме к Полине Виардо он рассказывает о том, что читает «с большим трудом и множеством перерывов историю Ивана Грозного» [8. Т. 13. С. 313]. По предположению Н.П. Генераловой и А.Я. Звигильского, «историю Ивана Грозного» Тургенев изучает в изложении Карамзина, поскольку незадолго до этого он упоминает о перечитывании «Писем русского путешественника» [Там же. С. 302, 427]. Возможно, обращение к «Истории государства Российского»² в это время было обусловлено ещё и тем, что Тургенев стремился оказать помощь своему английскому другу Вильяму Рольстону в подборе материала для его лекций по древней истории России³ в Оксфорде. После прочтения этого курса Рольстон решил издать книгу «Древняя русская история» («Early Russian history»).

Безусловно, помимо грандиозного сочинения Карамзина в круг тургеновского чтения об эпохе Ивана Грозного входили труды С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, Н.Г. Устрялова. Писатель хорошо знал подходы каждого историка в вопросе трактовки «грозного царствования». Его собственная гуманистическая позиция не могла позволить принять апологетическую концепцию – Тургенев искал правды, пусть ужасной и постыдной, но всё-таки правды. Варианты «царь-мучитель» и «царь-страдалец» для него слиты воедино, что даёт масштаб трагического звучания.

Одновременно с научно-историческим контекстом интерпретации личности первого русского царя Тургенев был погружён и в художественно-публицистический: от трагедии «Борис Годунов» (1825) А.С. Пушкина и «Песни про царя Ивана Васильевича...» (1837) М.Ю. Лермонтова до «Рассказов из русской истории» (1869) А.Н. Майкова. В развитии русской литературы целый период – 1860-е гг. – был отмечен пристальным интересом к царствованию Ивана IV и проблемам его неоднозначного, противоречивого облика. Особенный всплеск пришёлся на жанр исторической драмы – в это время в репертуаре Александринского театра господствовали пьесы, «рисующие Ивана Грозного» [13. С. 250]. Среди популярных драматургов были Л.А. Мей («Царская невеста», 1849; «Псковитянка», 1859), И.И. Лажечников («Опричник», 1859), А.К. Толстой («Смерть Иоанна Грозного», 1866), Н.А. Чаев («Грозный царь Иван Васильевич», 1869), Д.В. Аверкиев («Слобода Неволя», 1867), А.Н. Островский («Василиса Мелентьева», 1867).

Практически с каждым из этих авторов Тургенев был знаком лично, а их драматические опыты были ему небезызвестны. Например, в письме к Полине

Виардо от 1 (13) апреля 1867 г. он признаёт, что Чаев «превосходно осведомлен в истории России и в совершенстве владеет языком», но главный его недостаток – это бедность «поэтического воображения» [8. Т. 7. С. 281]. Однако из ряда этих драматических писателей Тургенев особенно выделяет имена Островского и Толстого. За творчеством первого он следил очень пристально, а его произведения оценивал по-разному: то восхищённо признавал в нём «замечательный драматический талант» [8. Т. 2. С. 215], то отказывался верить в его «будущность» [8. Т. 3. С. 219]. Охарактеризовывая исторические драмы Островского в целом, Тургенев даёт им определение «водянистые» [8. Т. 10. С. 83], намекая на недостатки, что были выявлены им при разборе хроники «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1861): бессодержательность, расплывчатость характеров, отсутствие гармонии в сочетании исторического и повседневного. Под обозначение «водянистые» попала и пьеса «Василиса Мелентьева», где образ Ивана Грозного был совершенно обытовлен и снижен. В письме к Ф.М. Достоевскому от 2 (14) марта 1862 г. Тургенев, задаваясь риторическим вопросом, чётко и определённо формулирует своё требование к исторической драме вообще и драмам Островского в частности: «...жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец?» [8. Т. 5. С. 27].

В 1868 г. Толстой читал Тургеневу отрывки из своей только что оконченной драмы «Царь Фёдор Иоаннович» (1868), на что тот в письме к Я.П. Полонскому от 31 марта, 6 апреля (12, 18 апреля) 1868 г. заметил: «...довольно замечательный психологический этюд – но где же драма?» [8. Т. 8. С. 177]. Отзывы Тургенева о пьесе «Смерть Иоанна Грозного» неизвестны, однако в некрологе о Толстом он поставил её в один ряд с романом «Князь Серебряный» (1862), где в качестве одного из главных героев также выведен русский царь.

«Князя Серебряного» Тургенев назвал «историческим романом в духе Вальтера Скотта»: «...читается он с большим интересом, увлекателен, хорошо построен и хорошо написан. Образ Ивана Грозного ярко выделяется на фоне, где действуют самые разнообразные персонажи...» [Там же. С. 263]. Такой хвалебный отзыв подкреплялся во многом тем, что писатель (по просьбе А.П. Голицына) хлопотал перед Жюлем Этцелем о публикации французского перевода этого произведения в его журнале. Но «вальтер-скоттовский» дух романа Толстого был определён очень точно. У «шотландского чародея» романное действие строится как «оппозиция или прямое столкновение двух наций, культур, религий, жизненных укладов, быта и пр.», и герой движется именно в этой «пограничной полосе» [14. С. 16]. «Контраст в группировке образов» использует в своём романе и Толстой, этот приём «служит средством создания характеров, ибо показывает поступки героя, его внешность в столкновениях и в противопоставлении с другими персонажами» [15. С. 14]. Такую «романтизированную» схему в построения сюжета и в оформлении образов героев Тургенев в 1860-е гг. принять категорически не мог.

В повести «Степной Король Лир» писатель моделирует характер, исполненный глубоких неразрешимых

противоречий. Антиномичность природы главного героя создаётся за счёт его соотнесения с образами исторического прошлого. Период позднего русского Средневековья становится временем зарождения рода Харловых. Провинциальный помещик Мартын Петрович больше всего гордился «своим званием, происхождением» [9. Т. 8. С. 160], поэтому с особенной важностью принимался рассказывать о том, как его далёкий предок вшед (т.е. швед) Харлус «в княжение Ивана Васильевича Тёмного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом – а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался» [Там же]. Очевидное смешение имён князя и царя⁴ оказывается совершенно сознательной установкой героя: в его понимании именно этот, якобы реально существовавший представитель династии Рюриковичей, принял под своё покровительство выходца из Швеции Харлуса⁵ (Карлуса, Карла). Попытка героя-рассказчика объяснить, что «Ивана Васильевича Тёмного не было вовсе, а был Иван Васильевич Грозный. Тёмным прозывался великий князь Василий Васильевич» [Там же. С. 161], встречает жёсткий отпор со стороны Харлова. Важно заметить, что фраза «в княжение Ивана Васильевича Тёмного (вон оно когда!) приехал в Россию» присутствует без каких-либо исправлений уже в черновом автографе повести [16] и в таком виде переходит в окончательную редакцию. Это позволяет утверждать, что к моменту, когда Тургенев приступил к написанию произведения, мысль о сопоставлении главного героя с Иваном Грозным у него уже была окончательно оформлена.

Характер притязаний Мартына Петровича на значимость положения его предка и, следовательно, на исключительность собственной персоны очень велик. Соединение в одно целое имён двух правителей средневековой Руси – это не столько проявление необразованности главного героя («и глуп тоже не был») [9. Т. 8. С. 163], но знак того, насколько сильна его вера в это, вероятно, семейное предание, породившее глубокую убеждённость в принадлежности к княжескому двору.

Мартын Петрович Харлов, рассказывая о своей родословной, уверяет, что его предок Харлус приехал в Россию, не захотев быть «чухонским графом». Чухонцы – это пренебрежительное, уничижительное наименование, которое использовалось по отношению к финнам. В XVI в. Финляндия (Герцогство Финляндское) была лишена самостоятельности и находилась под владычеством шведского короля. То есть «вшед» Харлус отказался от герцогства в шведской Финляндии, предпочтя его службе российскому государю.

Пренебрежение к шведско-финскому подданству, которое выражает Харлов через определение «чухонский граф», наводит на параллель личных неприязненных взаимоотношений Ивана Грозного с королём шведским и герцогом финляндским Юханом III. Конфликт двух венценосцев строился на том, что русский царь отказывался видеть в лице шведского короля равного себе по знатности и древности рода монарха. Иван Грозный обосновывал своё царское право тем, что сам является потомком Рюрика и власть получил

в результате многовекового престолонаследия. За Юханом же он признавал «мужикий род, а не государский», поскольку его предки «на престоле не бывали» [17. С. 342], а сам он занял его «не по своему достоинству, а благодаря родству» [Там же. С. 344–345] и в результате вооружённого переворота (свержение и казнь брата Эрика). Швецию Иван Грозный именует не иначе как «Шведской землёй» и говорит, что она уступает величию Российского царства («честью ниже»), так как «нам брат – цесарь Римский и другие великие государи» [Там же. С. 337]. Царь считает, что по давно устоявшемуся правилу дипломатические переговоры шведский король должен вести только с новгородским наместником, а для него (т.е. царя) это занятие недостойное.

Подобно Ивану Грозному герой повести Тургенева выражает чрезвычайную гордость по поводу своего знатного происхождения, а всех остальных считает недорослями. Он не терпит никаких противоречий своему слову: «...коли я говорю, стало оно так!» [9. Т. 8. С. 161]. А когда «заезжему сановнику» вздумалось «подтрунить над Мартыном Петровичем», высмеять возведение его родословной до мифического лица далёких времён, то герой, нисколько в себе не сомневаясь, попросту называет шутника «дураком» – «Млад еще больно, учить его надо» [Там же]. Харлов ощущает себя так, словно сам облечён в царский сан и является потомком древних «цесарей». Пренебрежение к «чухонскому графству» и презрительное отношение к дерзкому сановнику аналогичны тому, как себя ведёт Иван Грозный в разговоре со шведским королём Юханом.

Другая примечательная деталь заключается в том, что в переписке Ивана Грозного и Юхана III заходит речь о «варяжском вопросе» – происхождении Руси. Оскорблённый неуважительным к себе отношением шведский король, «доказывая равенство Швеции с Россией» [18. С. 121], упомянул о том, что варяги в происхождении своём были шведами. Царь же, отвергая это притязание, назвал варягов немцами («...с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах участвовали варяги, а варяги – немцы») [17. С. 347].

Вопросом о происхождении варягов интересовался и Тургенев. 18 (30) марта 1860 г. он писал Я.П. Полонскому, что отменяет запланированный обед, поскольку желает побывать («посидеть и поболтать») [8. Т. 4. С. 175] на диспуте М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым о возникновении Руси. Эти публичные прения между двумя историками состоялись на следующий день, 19 (31) марта 1860 г., в Петербургском университете. Костомаров отстаивал версию происхождения варягов из литовского местечка Жмудь, основываясь на сходстве имён (напр. Игорь – Игорас) и на наличии в литовской топонимике слов с корнями -рус- / -рос-. Погодин придерживался традиции Карамзина и выводил варягов из норманнов, ссылаясь на русские летописные памятники, греческую хронику и пр.

К диспуту в Петербургском университете Тургенев, вероятно, отнёсся с большой иронией⁶, поскольку он, с одной стороны, больше напоминал выяснение личных амбиций, а с другой – не отвечал актуальным

вопросам современности. В явно ироническом ключе спор о варягах представлен и в «Степном Короле Лире». Сановник, захвативший к Наталье Николаевне и решивший подшутить над Харловым, во время рассказа о «вшеде Харлусе, который выехал в Россию...», перебил Мартына Петровича и спросил: «При царе Горохе?» [9. Т. 8. С. 161]. Получив от Харлова отрицательный ответ, чиновник делает насмешливое предположение, что его род «гораздо древнее и восходит даже до времен допотопных, когда водились еще мастодонты и мегалотерии⁷...» [Там же]. Шутливый фразеологизм «при царе Горохе» означает очень давние, незапамятные времена, а названия вымерших животных делают отсылку к глубокой древности⁸. В своей совокупности эти две детали применительно к харловскому предку дают указание на глубокую укоренённость рода Мартына Петровича. А переход Харлуса из шведского подданства в российское дворянство подкрепляет аллюзию на «варяжский вопрос». При этом, как верно отмечает Е.С. Фомина, указание героя «на тысячелетнюю историю рода Харловых в России имеет прямое отношение к идеологическому фону 1860-х гг.» [5. С. 52]. На 1862 г. пришлось торжественное празднование тысячелетней годовщины с момента образования Российского государства.

Другой аспект связи главного героя повести с исторической фигурой Ивана Грозного основывается на характере художественного моделирования его образа. В своём произведении Тургенев опирается на традицию Шекспира. Английский драматург, обращаясь к легендарному прошлому, избирает в качестве главного действующего лица древнего британского монарха и на его примере раскрывает универсальную драму человеческой личности. Образ Харлова, как и вся повесть в целом, отвечает шекспировской эстетике изображения: обыкновенный помещик предстаёт в облике самодержавного государя из эпохи позднего русского Средневековья. Трагедия маленького человека через парадигму национальной истории отзывается в масштабах общечеловеческого.

В повести «Степной Король Лир» в виде отдельных вкраплений содержатся значимые указания на «царственную» природу главного героя. Большинство из них связаны со своеобразием поступков и действий (в том числе и речевых) Мартына Харлова, их символическим значением.

Герой Тургенева по причине своей тучности («земля его не носила») всегда ездил «на низеньких беговых дрожках и сам правил лошадьё» [9. Т. 8. С. 162], он «бодро посматривал кругом своими медвежьими глазёнками, окликал громовым голосом всех встречных мужиков, мещан, купцов...» [Там же. С. 163], «не без удали потрясая свободной рукой над козырьком картуза» [9. Т. 8. С. 165]. Эти лихие разъезды Мартын Петрович совершает с поистине царским достоинством, он словно проводит ревизию своих владений. Встречных людей окликает так, будто грозно приветствует собственных подданных, демонстрируя силу и сласть над ними, внушая страх и трепет безусловного повиновения.

В VI главе Харлов устраивает настоящий «посольский приём» для сына Натальи Николаевны. С само-

довольным видом приглашая его посмотреть и сад, «и дом, и гумно – и всё» [Там же. С. 166], он сознательно, со всей восторженностью называет своё имение державой («Хочешь посмотреть мою державу»; «Вот она, моя держава!») [Там же]. Если король Лир у Шекспира принимает целое королевство за личное владение (что соответствует и позиции Ивана Грозного), то отношение Харлова зеркально противоположно – он небольшое поместье представляет как отдельное царство, а себя в нём ощущает подлинным государем.

Знаковым является положение усадьбы Мартына Петровича – она «находилась на вершине пологого холма» [Там же. С. 167], а внизу «лепились» крестьянские избушки. Такое расположение подобно тому, как в Древней Руси велось строительство городов: на возвышенности город-крепость с царским / княжеским дворцом, а за его стенами посад [22. С. 43]. Примечательно, что двор у Мартына Петровича был огорожен тыном (т.е. забором) – это наводит на ассоциацию с кремлёвской стеной.

Совершенно по-особенному Харлов именует постройки в своём дворе. Ветхий флигелёк, доставшийся ему от отца, он называет хороминкой («отцы-то наши в какой хороминке жили») [9. Т. 8. С. 167], а новый, построенный им самим (крышу которого он впоследствии и будет разорять), именует не иначе как палатами («вона какие палаты себе соорудил») [Там же]. Используемые Харловым обозначения относятся к названиям строений русской средневековой архитектуры [23. С. 101, 165]. Это сравнение небольших помещичьих построек с княжеским и царским жильём подчёркивает стремление героя выделить себя из обыкновенного мира, придать значительность своей личности. Рассказчик также отмечает перемену в обращении к нему Мартына Петровича, который в своём доме стал вдруг обращаться к гостю в вежливой форме – на «Вы».

Элементами архаики оказывается наполнена и речь Харлова. Так, говоря об усердии при составлении раздельного акта, он употребляет слова «не пимши», «не емши». Герой искажает малоупотребительные деепричастия «пивши» и «евши», которые восходят к древнерусским формам краткого действительного причастия прошедшего времени. А при описании своего нового рыболовного занятия – «у пруда сидючи да рыбу удучи!» [9. Т. 8. С. 208] – он использует слова, также восходящие к парадигме древнерусского причастия (настоящего времени). Наконец, рассказывая о «сонном мечтании», явлении вороного жеребёнка, Харлов заключает: «Предостережение! Готовься, мол, человече!» [Там же. С. 167]. «Человече» – это форма звательного падежа. Также характерно и то, что Мартын Петрович употребляет из древнерусского словаря лексемы «смерд» и «холопки», но по отношению не к простоям крестьянам, а к своим дочерям и зятю.

Помимо особенностей устной речи героя нужно отметить и одну важную деталь в характере его письма. Когда Наталья Николаевна пригласила Харлова быть свидетелем при составлении её духовного завещания, тот «нарочно ездил домой за железными круглыми очками, без которых писать не мог» [9. Т. 8. С. 163]. С помощью этих очков он «в течение четверти

часа, пыхтя и отдуваясь, успел начертать свой чин, имя, отчество и фамилию, причем буквы ставил огромные, четырехугольные, с титлами и хвостами» [Там же]. Торжественно-официальная ситуация и старательность выведения необычных букв (крупной геометрической формы с титлами) позволяют отнести специфику харловского почерка к своеобразному варианту уставного каллиграфического письма, которыми написаны древнерусские рукописи XI–XIV вв. [24. С. 539].

Как «царскую» приёмную для высоких гостей представляет Харлов свой кабинет – большой и просторный. Внешне – это «неоштукатуренная и почти пустая» комната [9. Т. 8. С. 168]. Но важно, что на его стенах хозяин поместил предметы, которые для него имеют особенное значение: «...две нагайки, треугольная порыжелая шляпа, одноствольное ружьё, сабля, какой-то странный хомут с бляхами и картина, изображающая горящую свечу под ветрами» [Там же]. Всё это является объектом его непомерной гордости, он даже предлагает гостю лично убедиться в чудесных свойствах голландского хомута («Самый хозяйственный! Да ты понюхай... Какова кожа!») [Там же]. Показательно, как герои расположились в этой комнате: Харлов занял «деревянный диван, покрытый пёстрым ковром» [Там же], а гость присел напротив него «на стульчике». Это напоминает элементы дипломатического этикета XVI в., когда «послам ставили скамейку против престола» [25. С. 438].

После «личного приёма» Харлов пригласил сына Натальи Николаевны отобедать в гостиной, где уже был для этого накрыт стол с красной скатертью: «...творог, сливки, пшеничный хлеб, даже толчёный сахар с имбирём» [8. Т. 8. С. 168]. Эта часть «пира» у Мартына Петровича вновь отсылает к посольскому обряду – «приглашением к столу оканчивалась аудиенция, и гость выходил в другую палату – в Золотую, Столовую или Ответную, в которой и дожидался стола» [26. С. 900]. По словам И.Е. Забелина, «за посольским столом особа государя принимает значение доброго, домовитого хозяина, который встречает и угощает дорогого заезжего гостя» [Там же. С. 896]. Это практически полностью соответствует поведению Харлова – он старается показать себя таким же заботливым хозяином, подчеркнуть достаток и благополучие дома. Но проявляя гостеприимство («Кушай, дружок, кушай, голубчик, не брезгай нашей деревенской снедью») [9. Т. 8. С. 169], он по-прежнему сохраняет величие своего «царского» достоинства.

Очевидная параллель Мартына Петровича с русским царём, закреплённая в речи и поведении героя, усиливается в момент совершения им раздела имения. Распределяя его части между дочерьми, Харлов оставляет себе небольшой удел и определяет его «под именем “опричного”» [9. Т. 8. С. 182]. Это сознательное отождествление введённой в 1565 г. политики опричнины с обыкновенным разделением поместья уже на уровне поэтики подтверждает образное соответствие между провинциальным помещиком Мартыном Харловым и царём Иваном Грозным. В обоих случаях это роковое решение приводит к тотальной катастрофе.

Перед введением опричнины Иван IV уехал из Москвы и отправился в добровольное «изгнание» в

Александровскую слободу. Харловскому намерению о разделе имения также предшествовало долгое уединение («мы его более недели не видали») [Там же. С. 173], во время которого он предавался мучительным раздумьям. Торжественно вернувшись в Москву, царь «созвал духовенство, бояр, знатнейших чиновников» [27. С. 79] для объявления им принятого решения. Важность и торжественность своих действий во всей полноте ощущал и Мартын Петрович. Для совершения «формального акта и ввода во владение» [9. Т. 8. С. 175] герой пригласил исправника, стряпчего и станового (чиновники), священника (духовное лицо), сына Натальи Николаевны, Житкова и Бычкова (бояре). Сам герой облачился в свой парадный костюм – «ополченский, 12-го года, казакин» [Там же. С. 178] со всеми героическими атрибутами (медаль, сабля) и неподвижно возвышался посреди комнаты – будто древний грозный царь. В важности его вида чётко угадывалась «уверенность в себе, в своей неограниченной и несомненной власти» [Там же. С. 180].

Объясняя перед присутствующими причину своего намерения («Становлюсь я стар, государи мои, немощи одолевают... Уже и предостережение мне было, сметный же час, яко тать в нощи¹⁰ приближается...») [9. Т. 8. С. 181], Мартын Петрович заключает: «Поцарствовал, будет с меня!» [Там же]. Произнесение этой молитвенно-клятвенной формулы словно служит подтверждением того, что он слагает с себя царский сан. А во время объявления «высочайшей воли» крестьянам «Харлов не пожелал выйти вместе с дочерьми на крыльцо», выразив абсолютную уверенность в том, что «мои подданные и без того моей воле покорятся!» [Там же. С. 184]. Смысл слова «подданный» здесь соответствует определению В.И. Даля – «подчиненный, подвластный; бол. подведомый правительству, государю» [28. С. 173]. Именно государем ощущает себя Харлов перед крепостными. Для того чтобы продемонстрировать силу и власть над ними, он «открыл форточку, приставил к отверстию голову и закричал громовым голосом: “Повиноваться!”» [9. Т. 8. С. 184]. Будучи уверенным, что над его волей «свыше сила действует» [Там же. С. 177], Харлов решает после «ввода во владение» сразу же «отслужить молебен с водосвятием» [Там же. С. 185]. Предварять или закреплять свои поступки и решения торжественным богослужением предпочитал и царь Иван Грозный. Знаково, что процедура раздела имения завершается богатым праздничным обедом – пиром.

Значительное соответствие с историческим обликом Ивана Грозного обозначено и в плане психологической характеристики Мартына Петровича. Основой для сопоставления служат два разнонаправленных свойства человеческого характера – меланхолия и раздражительность.

В «Истории...» Карамзина большое внимание уделяется описанию того, как Иван Грозный томится ужасом неминуемой гибели. Монарх, который «всех превзошёл в мучительстве», с огромным страхом ожидал часа грядущей расплаты за свои деяния («глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его») [27. С. 167]. Решение душевных терзаний он пытался отыскать в Библии, одновременно стараясь сочетать «Божественное

учение с своею неслыханною жестокостию» [Там же]. Царь «утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением, и что он, сложив с себя земное величие» [Там же. С. 24], обретёт душевный покой.

В повести «Степной Король Лир» Тургенев всю IV главу посвящает изображению противоречия в характере Харлова – «на этого несокрушимого, самоуверенного исполина находили минуты меланхолии и раздумья» [9. Т. 8. С. 164]. Без какого-либо внешнего повода Мартын Петрович «вдруг начинал скучать» и запирался в своём кабинете, где «гудел, как целый пчелиный рой» [Там же]. Причиной этой меланхолии был неотступно преследующий Харлова страх неизбежной смерти. Герой пытается преодолеть его, обратившись к масонскому журналу «Покоящийся трудолюбец». В этой книге он найдёт «руководство к действию» – спасение души через избавление от земных благ и исправление собственной эгоистической природы. К помощи религии Мартын Петрович почти не прибегал и «больше надеялся на свой собственный ум» [Там же]. Гордыня побуждала Харлова самостоятельно и большей частью тайно искать ответы на мучившие его вопросы о соотношении жизни и смерти.

Карамзин подчёркивал, что Иван Грозный легко и внезапно мог впадать в состояние бешенства, приходить в ярость из-за малейшего повода. С большой подробностью он изображает те последствия, к которым приводило «злое своеобразие Тирана» [27. С. 58]. Историк во всей полноте воспроизводит действие иступленной ненависти и гнева царя.

Описанию того, как «довольно легко раздражался» [9. Т. 8. С. 165] Мартын Петрович, Тургенев также уделяет целую главу. В большинстве случаев причиной гнева Харлова был «приживальщик» Сувенир – брат его жены, который постоянно дразнил своего могучего родственника («как будто мстил за что-то») [Там же. С. 166]. Однако раздражение Мартына Петровича оказывается тесно связано, прежде всего, с его гордостью, ощущением и осознанием себя как человека, обладающего непреложной волей, неограниченной силой власти («Разве мне могут что сделать? Где такой человек на свете есть» [Там же. С. 162]; «вам о Мартыне Петровиче судить не приходится, понятием ещё не вышли» [Там же. С. 187]). Харлов не терпит никаких противоречий, не допускает возражения своим решениям. Не сдержав обиды, герой и погибает в акте проявления отцовского гнева и мести.

Чрезвычайно примечательно, что Карамзин и Тургенев, завершая своё повествование, делают значимый акцент на категорию народной памяти. Историк утверждает, что в памяти народа «добрая слава Иоаннова пережила его худую славу» [27. С. 472]. Люди предпочли видеть в грозном царе источник «государственной силы, нашего гражданского образования» [Там же. С. 471–472]. У Тургенева же герой-рассказчик удивляется тому, как «усердно молились за душу покойника» харловские крестьяне, которые своего хозяина «при жизни особенно не любили, даже боялись» [9. Т. 8. С. 223]. «Подданные» Мартына Петровича искренне сожалеют о его гибели и выносят строгий приговор мучительницам-дочерям, все как один произнося: «Обидели!».

После написания повести «Степной Король Лир» Тургенев не оставляет размышления о личности русского царя. В 1871 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» он помещает «Заметку о статуе Ивана Грозного М. Антокольского». Эта статья была навеяна писателю знакомством с молодым и малоизвестным скульптором М.М. Антокольским (1843–1902). О своей примечательной встрече Тургенев сразу же сообщил П. Виардо. 26 (14) февраля 1871 г. он писал, что «в этом бедном юноше, уродливом и тщедушном, несомненно, есть искра божия», что имя его «останется» [8. Т. 11. С. 312]. С восторгом писатель рассказывает об увиденной в мастерской скульптора совсем недавно законченной статуе Ивана Грозного, «сидящего с Библией на коленях, небрежно одетого, погруженного в мрачное и зловещее раздумье»; он называет её «шедевром по исторической и психологической глубине – и по великолепному исполнению» [Там же].

Антокольский работал над созданием скульптуры русского царя на протяжении 1870–1871 гг. Художник хотел представить её в качестве конкурсной работы на золотую медаль в Академии художеств, но «академический совет отверг представленный эскиз» [29. С. 60]. Несмотря на это, он продолжил осуществлять свой замысел – образ царя «сразу врезался в моё воображение» [30. С. 941]. Изучая историческую литературу, посвящённую Ивану Грозному и его эпохе, скульптор отмечал, что «объективного, беспристрастного суждения и до сих пор нет» [Там же]. Постепенно он «начинал особенно остро понимать трагическую противоречивость» [29. С. 60] этой фигуры. Большое влияние на формирование представлений Антокольского об историческом облике Ивана Грозного оказали идеи Н.И. Костомарова и Н.М. Карамзина¹.

Пластическому изображению Ивана Грозного Тургенев даёт высочайшую оценку, считая статую превосходной «по силе замысла, по мастерству и красоте исполнения, по глубокому проникновению в историческое значение и в саму душу лица, избранного художником...» [9. Т. 10. С. 259]. В скульптурном исполнении фигуры первого русского царя писатель находит живой отклик на собственные представления. Пристально вглядываясь в каждую деталь произведения Антокольского, Тургенев в словесной форме тщательно выводит его психологический рисунок, кото-

рый абсолютно точно соответствует созданному им образу Мартына Харлова. Подчёркивая противоречивость облика Ивана Грозного – «человек и царь», писатель цитирует Шекспира («царь с ног до головы») [Там же] и сравнивает русского монарха с королём Лиром. Особенно поразительным в статуе Антокольского для Тургенева оказывается «счастливое сочетание домашнего, всedневногo и трагического, значительного...» [Там же. С. 260]. Именно это совмещение обыкновенного и великого стало основополагающим моментом в изображении главного героя повести «Степной Король Лир».

Важно заметить, что Тургенев, заключая свою статью, настаивает на том, что скульптуру Ивана Грозного непременно нужно увидеть «исполненной из мрамора, так как мрамор гораздо способнее передать всю тонкость психологических черт и деталей» [Там же. С. 261]. Мрамор, как материал античного искусства и искусства вообще, имел для писателя особую значимость – он символизировал само художественное творчество, полное жизни, природы, правды и глубины, вечности¹².

Сильное впечатление от произведения молодого скульптора навело Тургенева на «Костомарова, превосходную статью которого об И. Грозном в “Вестнике Евр<опы>”» он прочитал «с великим удовольствием» [8. Т. 11. С. 145]. Кроме того писатель несколько раз настойчиво просил П.В. Анненкова прислать ему «хорошую фотографию с “Ивана Грозного” Антокольского» [Там же. С. 76]. Когда фотография, наконец, была получена, он поместил её на стене своей спальни.

Таким образом, осмысление личности Ивана Грозного и эпохи его правления было важным элементом художественной эволюции творчества Тургенева во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Фигура русского царя воспринималась писателем как яркий национальный тип, заключающий в себе драму существования. Обратившись к эстетической модели Уильяма Шекспира, Тургенев на материале обыкновенной российской действительности разворачивает трагедию человеческой личности. Провинциальный помещик, простой и обыкновенный – «срединный тип» русской жизни, включаясь в парадигму эпохального прошлого (Средневековая Русь), становится выразителем противоречий современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В январе 1870 г. Тургенев по приглашению Максима Дюкана присутствовал в Париже при подготовке и исполнении казни Жана Батиста Тропмана. Чрезвычайно сильные впечатления писателя от увиденного побудили его посвятить этому специальный очерк «Казнь Тропмана», который был написан в апреле того же года и опубликован в журнале «Вестник Европы» (1870. № 6). В повести «Степной Король Лир» Тургенев указывает на сходство «страшной, недоброй усмешки» [9. Т. 8. С. 217] Мартына Харлова с усмешкой приговорённого к смерти Тропмана.

² В мемориальной библиотеке И.С. Тургенева (в дошедшем до нас составе) «История государства Российского» представлена третьим изданием – 1830–1831 гг. (тома II–IV, VI, IX, XI–XII). По замечанию составителей каталога библиотеки, IX том, полностью посвящённый эпохе Ивана Грозного, содержит «многочисленные чернильные пометки» [12. С. 104].

³ Тургенев писал В. Рольстону 6 февраля 1874 г.: «Я покажу Ханькову ваше письмо – он был совершенно прав, поощряя вас продолжать ваши лекции. Имя Иван – единственно допустимое. Полагаю, вы доказали, что Иван III (дед Грозного) был подлинным основателем Московского государства. Нет надобности добавлять, что я буду очень счастлив предоставить себя в ваше распоряжение в отношении всего того, что будет касаться сообщения сведений, литературной помощи и т.д. и т.д.» [8. Т. 13. С. 258].

⁴ Имена Василия Тёмного и Ивана Грозного в пределах одного текстового (художественного) пространства встречаются также в романе «Дворянское гнездо» (1859), но здесь этому ещё не придаётся столь же глубоко осмысленного драматического значения. Чтобы наметить историческую перспективу, Тургенев упоминает родоначальника Лаврецьких, который «выехал в княжение Василия Тёмного из Пруссии и был пожалован двумя четвертями земли в Бежецком верху» [9. Т. 6. С. 28]. Фигура Ивана Грозного в роман вводится с целью подчеркнуть независимый и гордый нрав героини: «Она говорила Настасье Карповне “ты”, хотя и жила с ней на ровной ноге – недаром же она была Пестова: трое Пестовых значатся в синодике Ивана Васильевича Грозного; Марфа Тимофеевна это знала» [Там же. С. 57].

⁵ Помарки в черновом автографе повести дают основание предполагать, что первоначально автор хотел назвать предка Мартына Петровича Карлуsom [16].

⁶ Много позже, в 1867 г., в Москве и Петербурге состоялся Славянский съезд, который «превратился в театрализацию и зримое свидетельство славянского единения» [19. С. 94–95]. Об этом съезде Тургенев на фоне критики романа «Дым» писал 23 мая (4 июня) 1867 г. П.В. Анненкову: «...очень доволен появлению моего забитого Потугина, верующего единственно в цивилизацию европейскую, в самый разгар этого всеславянского фанданго с кастаньетками, в числе которого так потешно кувырывается Погодин» [8. Т. 7. С. 207] и А.И. Герцену: «...я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета» [Там же. С. 208].

⁷ По всей видимости, Тургенев ошибся в написании названия древнего существа, имея в виду мегатерию – «вымершее исполинское животное из отряда неполнозубых» [20. С. 854].

⁸ Ироническое звучание «спора о варягах» между Харловым и сановником усиливается ещё и за счёт того, что этот эпизод выстраивает очевидную параллель к сцене выяснения происхождения рода Скотининых в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (начало VII явления четвёртого действия) [21. С. 159].

⁹ Цитата из церковнославянского текста Нового Завета – Первое послание апостола Павла к фессалоникийцам (глава 5, стих 2).

¹⁰ В статье «Из автобиографии» М.М. Антокольский писал о своих впечатлениях по поводу исторической фигуры Ивана Грозного: «В нём дух могучий, сила больного человека, сила, перед которой вся русская земля трепетала. Он был грозный; от одного движения его пальца падали тысячи голов; он был похож на высохшую губку, с жадностью впивавшую кровь... и тем больше жаждал. День он проводил, смотря на пытки и казни, а по ночам, когда усталые душа и тело требовали покоя, когда всё кругом спало, у него пробуждались совесть, сознание и воображение; они терзали его, и эти терзания были страшнее пытки... Тени убитых им подступают, они наполняют весь покой – ему страшно, душно, он хватается за псалтырь, падает ниц, бьёт себя в грудь, каётся и падает в изнеможении... На завтра он весь разбит, нервно потрясён, раздражителен... Он старается найти себе оправдание и находит его в поступках людей, его окружающих. Подозрения превращаются в обвинения, и сегодняшний день становится похож на вчерашний... Он мучил и сам страдал. Таков “Иван Грозный”. Но вот вопрос: почему он остался у народа таким легендарным? Почему воспевают его? Почему его лик до сих пор заманчив для нас? Почему моё изображение его так понравилось и приковало всех? Не потому ли, что мы любим сумерки?» [30. С. 942–943].

¹¹ В письме к Т.Н. Грановскому от 18 (30) мая 1840 г. Тургенев писал: «Скажу Вам на ухо: до моего путешествия в Италию мрамор статуй был мне только что мрамор, и я никогда не мог понять всю тайную прелесть живописи» [8. Т. 1. С. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратов А.Б. Повести И.С. Тургенева 1867–1871 годов. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 180 с.
2. Новикова Е.Г. Работа И.С. Тургенева над повестью «Степной король Лир» (К характеристике жанра) // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. Вып. 7. С. 130–142.
3. Полякова Л.И. Повести И.С. Тургенева 70-х годов. Киев: Наукова думка, 1983. 191 с.
4. Головкин В.М. Художественно-философские искания позднего Тургенева (изображение человека). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 167 с.
5. Фомина Е.С. Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2014. 149 с.
6. Свахина О.В. Функция культурной памяти в повестях И.С. Тургенева 1850–1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 210 с.
7. Шиманова Е.Ю. Мотив смерти в прозе И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 156 с.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982 (издание продолжается).
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
10. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
11. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений и писем: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 2. 766 с.
12. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1. Каталог: книги на рус. яз. / сост. Л.А. Балыкова. Орел: Изд-во ОГТРК, 1994. 208 с.
13. Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1861. 359 с.
14. Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х гг. СПб.: Академический проект, 1996. 344 с.
15. Григорьева Н.Г. Принципы характерологии в творчестве А.К. Толстого: «Князь Серебряный», драматическая трилогия: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 216 с.
16. Tourguéniev I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Troppmann. Mazon. 26. M. 12: manuscrits parisiens // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. 1801–1900. Slave 85. Manuscrits parisiens XII.
17. Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1951. 712 с.
18. Фомин В.В. Варяги в переписке Ивана Грозного с шведским королём Юханом III // Отечественная история. М., 2004. № 5. С. 121–133.
19. Майорова О.Е. Панславизм. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 5. С. 89–110.
20. Энциклопедический словарь. Т. XVIII^A (36) / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. 494 с.
21. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. 630 с.
22. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 477 с.
23. Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г. Словарь русских историзмов. М.: Высш. шк., 2005. 228 с.
24. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
25. Дипломатический словарь. Т. 2: Л–Я / гл. ред. А.Я. Вышинский. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950. 996 с.
26. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
27. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. 770 с.
28. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3. 584 с.
29. Кузнецова Э.В. М.М. Антокольский. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1989. 310 с.
30. Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / под ред. В.В. Стасова. СПб.; М., 1905. 1106 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 мая 2017 г.

THE IMAGE OF IVAN THE TERRIBLE IN I.S. TURGENEV'S WORKS OF THE 1870S: THE STORY “A LEAR OF THE STEPPES”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 23–31.

DOI: 10.17223/15617793/419/3

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I.S. Turgenev; “A Lear of the Steppes”; Ivan the Terrible; Shakespeare; Russian Middle Ages; M.M. Antokolsky.

The article deals with the question about features of Ivan Turgenev's works of the second half of the 1860s – early 1870s. In the genre of the story he makes a national Russian human type which receives deep dramatic features expressing the sense of modern

reality. The theory of typification which Turgenev acquires is closely connected with the meaning and content of Shakespeare's traditions. This fact is confirmed by the letters and critical articles of the indicated period. The story "A Lear of the Steppes" represents the experience of the human nature comprehension in the categories of Shakespeare's imagery by an appeal to the epic plan of Russian history. The image of the main character is put in the "text" of the late Russian Middle Ages, meaningful for his interpretation, and directly correlates with Tsar Ivan the Terrible. During the work on the story, Turgenev was reading works of S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov, N.G. Ustryalov about Ivan the Terrible. He paid significant attention to N.M. Karamzin's tradition. Besides the scientific and historical context of Ivan the Terrible's interpretation, Turgenev also immersed in the artistic-publicist context: from the tragedy "Boris Godunov" by A.S. Pushkin and "The Songs about Tsar Ivan Vasilievitch . . ." by M.Yu. Lermontov to "Stories from Russian History" by A.N. Maykov. The time of Ivan the Terrible becomes the time of the Harlov family appearance. The main character proudly and complacently narrates how his Swedish ancestor Harlus came to Russia "in the princely reign of Ivan Vasilievich the Dark". Separate insertions are significant indications on the "royal" nature of the main character in the story. Most of them are connected with the originality of his activities and actions, their symbolic meaning. His disregard for the Swedish-Finnish allegiance which Harlov expresses through the definition "Earl Chukhonsky" deserves special attention. This fact leads to the parallel of personal hostile relationship between Ivan the Terrible and Swedish King and Finnish Duke John III. The imaginative connection of the provincial landowner and the Russian Tsar intensifies at the moment of the estate division made by the character when he leaves a small area for himself and calls it oprichnina. The conscious identification of the oprichnina policy introduced in 1565 with a common estate division at the level of figurative poetics confirms correspondence between Martyn Harlov and Tsar Ivan the Terrible. In 1871, Turgenev publishes "A Note on the Statue of Ivan the Terrible by M. Antokolsky" in the newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. In the sculpture image of Ivan IV the writer finds a lively response to his own views. Staring into each detail of the statue, Turgenev verbalizes a psychological picture that exactly corresponds to the image of Martyn Harlov he created.

REFERENCES

1. Muratov, A.B. (1980) *Povesti I.S. Turgeneva 1867–1871 godov* [I.S. Turgenev's stories of 1867–1871]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Novikova, E.G. (1980) Rabota I.S. Turgeneva nad povest'yu "Stepnoy korol' Lir" (K kharakteristike zhanra) [I.S. Turgenev's work on the story "A Lear of the Steppes" (To the characterization of the genre)]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
3. Polyakova, L.I. (1983) *Povesti I.S. Turgeneva 70-kh godov* [I.S. Turgenev's stories of the '70s]. Kiev: Naukova dumka.
4. Golovko, V.M. (1989) *Khudozhestvenno-filosofskie iskaniya pozdnego Turgeneva (izobrazhenie cheloveka)* [Artistic and philosophical search of the late Turgenev (the image of man)]. Sverdlovsk: Ural State University.
5. Fomina, E.S. (2014) *Natsional'naya kharakterologiya v proze I.S. Turgeneva* [National characterology in the prose of I.S. Turgenev]. PhD Diss. on Russian Literature. Tartu.
6. Svakhina, O.V. (2008) *Funktsiya kul'turnoy pamyati v povestnykh I.S. Turgeneva 1850–1870-kh godov* [Function of cultural memory in the stories of I.S. Turgenev of the 1850s–1870s]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
7. Shimanova, E.Yu. (2006) *Motiv smerti v proze I.S. Turgeneva* [Motive of death in the prose of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Samara.
8. Turgenev, I.S. (1982–present) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
9. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
10. Byalyy, G.A. (1990) *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sov. pisatel'.
11. Belinskiy, V.G. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 13 t.* [Complete works and letters: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
12. Balykova, L.A. (1994) *Biblioteka Ivana Sergeevicha Turgeneva* [Library of Ivan Sergeevich Turgenev]. Vol. 1. Orel: Izd-vo OGTRK.
13. Lotman, L.M. (1861) *A.N. Ostrovskiy i russkaya dramaturgiya ego vremeni* [A.N. Ostrovsky and Russian dramaturgy of his time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Al'tshuller, M.G. (1996) *Epokha Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskiy roman 1830-kh gg.* [The era of Walter Scott in Russia. Historical novel of the 1830s]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
15. Grigor'eva, N.G. (2005) *Printsipy kharakterologii v tvorchestve A.K. Tolstogo: "Knyaz' Serebryanyy", dramaticheskaya trilogiya* [Principles of characterology in the works of A.K. Tolstoy: "The Silver Prince", a dramatic trilogy]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
16. National Library of France. Department of Manuscripts. 1801–1900. Slavic 85. Parisian manuscripts XII. Turgenev, I. The Unfortunate. A Lear of the Steppes. The Execution of Tropmann. Mazon. 26. M. 12: Parisian manuscripts. (In French).
17. Adrianova-Peretts V.P. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Messages of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: Nauka.
18. Fomin, V.V. (2004) *Varyagi v perepiske Ivana Groznogo s shvedskim korolem Yukhanom III* [Varangians in the correspondence of Ivan the Terrible with the Swedish King John III]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 121–133.
19. Mayorova, O.E. (2001) *Panslavizm. Slavyanskiy s'ezd 1867 goda: metaforika torzhestva* [Pan-Slavism. Slavic Congress of 1867: a metaphoric celebration]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 89–110.
20. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1896) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XVIII (36). St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya.
21. Fonvizin, D.I. (1959) *Sobranie sochineniy 6 v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Goslitzdat.
22. Tikhomirov, M.N. (1956) *Drevnerusskie goroda* [Old Russian cities]. Moscow: Gos. izdat. polit. lit.
23. Arkad'eva, T.G., Vasil'eva, M.I., Pronichev, V.P. & Sharri, T.G. (2005) *Slovar' russkikh istorizmov* [Dictionary of Russian historisms]. Moscow: Vysshaya shkola.
24. Yartseva, V.N. (ed.) (1998) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
25. Vyshinskiy, A.Ya. (ed.) (1950) *Diplomatiicheskiy slovar'* [Diplomatic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Gos. izdat. polit. lit.
26. Zabelin, I.E. (2014) *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh* [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
27. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Vol. 9. St. Petersburg: Tip. N. Grecha.
28. Dahl, V.I. (1882) *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the living great Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.
29. Kuznetsova, E.V. (1989) *M.M. Antokol'skiy. Zhizn' i tvorchestvo* [M.M. Antokolsky. Life and works]. Moscow: Iskusstvo.
30. Stasov, V.V. (ed.) (1905) *Mark Matveevich Antokol'skiy. Ego zhizn', tvoreniya, pis'ma i stat'i* [Mark Matveyevich Antokolsky. His life, works, letters and articles]. St. Petersburg; Moscow: Tip. T-va M.O. Vol'fa.

Received: 19 May 2017